

Я—русский!

Под Новый год к нам в типографию заглянул постоянный клиент Женя Храмской, владелец рекламного агентства «Две обезьяны». Этот приземистый голубоглазый блондин недавно обошёл все крупные организации в городе и нашибал у них заказов на сборный тираж карманных календариков.

Обычно клиенты ограничивались скудным общением с приёмщицами заказов, которых в те времена никто и не думал называть «менеджерами». Но Женя Храмской был «славным малым». Сотрудников типографии он расположил к себе своим безмятежным добродушием. Когда печатник Игорь Херонов остроумно спросил: «Женя, а кто твоя вторая обезьяна?» — рекламщик беззлобно и снисходительно улыбнулся.

— Ребят, вы когда календарики порежете, вы не упаковывайте их, а сложите в коробку. Хорошо? — обратился Храмской сразу ко мне, Херонову и его помощнику Грише Бычкову.

— Хозяин — барин, — усмехнулся себе в усы Херонов.

Через неделю коробка дожидалась заказчика посреди нашей комнаты на большом столе, окружённом станками. Нам было интересно: что же задумал Храмской? Поэтому, когда Женя пришёл забирать свой заказ, мы деликатно погрузились в работу, осторожно наблюдая за ним краем глаза. Я тиснил, Херонов печатал, а Гриша, с красным, как у алкоголика, носом, бессовестно спал за столом, приткнувшись спиной к ризографу.

Храмской уверенно сел на стул, как за руль «Феррари». «Эх, прокачусь!» — было написано на его счастливом лице. Он вытащил из коробки все десять тысяч календариков, разложил их столбиками на столе и принялся пересчитывать поштучно.

Дверь распахнулась, и в комнату, вместе с гулом голосов спешащих по коридору института людей, проник Володя Лиханский. Это был невысокий остролицый молодой человек со смуглой кожей, вишнёвыми губами, чёрными масляными глазами и курчавыми волосами.

Володя устроился в типографию верстальщиком всего неделю назад, но уже успел внести диссонанс в нашу дружную трудовую белгородскую

семью, не ведавшую «ни эллина, ни иудея». Подобно мальчику Изяславу из анекдота, в одной компании представлявшегося: «Изя!» — а в другой: «Слава!» — Лиханский одним коллегам говорил: «Здравствуйте!» — а кое-кому: «Шалом алейхем!»

Не спеша профилировав по комнате, Володя зашёл за спину Храмскому. Верстальщик тихо наклонился над ухом незнакомого ему человека, жутко улыбнулся, потом облизнулся, и в глазах у него сверкнули бенгальские огни, как у тигра. Как только мне пришла в голову мысль, что Лиханский намерен откусить ухо Храмскому, чья-то невидимая рука сжала мне горло, чтобы я не смог предупредить пребывающего в счастливом неведении «счетовода».

Отбивая ритм ногой и слегка покачивая головой влево-вправо, словно он был в наушниках и слушал зажигательное ча-ча-ча, Храмской самозабвенно продолжал подсчёт календариков. Лиханский положил рекламщику руку на плечо и нежно промурлыкал над ухом: — Шалом алейхем.

Сначала Женя перестал дрыгать ногой, потом судорожно передёрнул плечами, и календарики посыпались из его трясущихся рук. Нечто подобное на моей памяти произошло с нашим военником, когда во время сборки автомата один из учеников задал ему «под руку» вопрос по женской анатомии.

Храмской встал и попятился, тараща глаза на Лиханского:

— Ты чего, парень?! Ты меня неправильно понял! Я не такой!

— Так вот ты какой, Женя Храмской! Свой среди чужих! — ехидно заметил Херонов, стоявший на табуретке с жестяной банкой в руке и накладывавший шпателем жёлтую краску в корыто «Ромайора».

— Ребят! Вы всё неправильно поняли! Я свой! — божился рекламщик, шаря глазами по стенам, видимо, в поисках икон.

Лиханский побледнел и выскользнул за дверь. — Теперь мы знаем, какой ты «свой!» — не унился Херонов, быстро двигая боковой рычажок влево-вправо, и краска из корыта стала поступать на валы. — Не примазывайся!

— Ребя! — разволновался Женя. — Мне все говорят: «Ты, Храмской, наверное, еврей!» А я не такой! Я — русский!

— Женёк! — хохотнул любитель анекдотов про Штирлица Херонов и, прыгнув с табуретки, заговорщически подмигнул рекламщику. — А я — немецкий!

— Да ну вас! — обиделся Храмской и тяжело опустился на стул.

Никогда прежде я не видел столь мрачным этого позитивного человека. Храмской смотрел невидящими глазами на разбросанные по столу календарики и что-то важное, но пока ещё непонятное зрело в его душе.

А мне, глядя на Женю, вспомнились слова современного поэта: «И человек сказал: „Я — русский“. И Бог заплакал вместе с ним».

Стойкий Гадкий Утёнок

Печатник Игорь Иванович Херонов перешёл к нам в типографию из конкурирующей фирмы, о которой полиграфисты отзывались как о концлагере. Всем своим видом наш новый сотрудник подтверждал эти слухи. Он был худой, сутулый и вялый. С седыми волосами и, казалось, с седым сердцем.

Походка у Херонова была как у каторжника, с которого недавно сняли кандалы. Вокруг печатного станка он ковылял, согнувшись в три погребели. Садясь за стол, он надевал очки с толстыми квадратными линзами, брал в руки приладочный лист и недоверчиво изучал качество оттиска.

Каждый день Херонов демонстрировал глубокую погружённость в процесс, ведь на прежнем месте работы он трудился под камерами видеонаблюдения. Если кто обращался к печатнику с просьбой, то он, не поднимая головы, смотрел на коллегу исподлобья, как проклятьем заклёпанный на эксплуататора, а зрачки его при этом угрожающе закатывались под веки.

— Почему Григорьич не мог никого помоложе найти?! — возмутилась приёмщица Яна Демьянова, которую за звенящий у всех в ушах тонкий голос называли Колокольчиком.

— Понабрали каличных-параличных! — фыркнула кладовщица Анжела Ипатова, которая, как фурия, носилась по типографии в чёрном спецовочном халатике и белых босоножках.

— Таких не берут в космонавты! — хихикнула рыжая и конопатая верстальщица Света Косарецкая, у которой голова была вдавлена в плечи, будто её забивали кувалдой. — Этот Гадкий Утёнок — точно герой не моего романа!

В общем, женсовет типографии забраковал Херонова. Век бы ему прозябать Гадким Утёнком, если бы не пресловутая женская неустроенность.

Пока директор типографии «Графит» Владимир Григорьевич Липатов по ночам переписывался

с канадским пожарным, а днём отсыпался, вверив свою фирму воле Божьей, наш корабль без руля и без ветрил шёл на рифы.

Началось с того, что у кладовщицы муж-дальнобойщик попал в аварию и ему ампутировали ногу. — Всё денег ей мало было. Загнала мужа, — шушукались переплётчицы.

Ипатова бродила по типографии, скалясь и приносясь, как волчица, словно кого-то искала. Искала Анжела недолго. Её выбор пал на слабосильного Херонова, которого мы считали пенсионером, но потом с удивлением узнали, что ему сорок пять.

Кладовщица радикально сменила имидж, подобно царевне-квасушке, сбросившей лягушачью кожу. Отныне Ипатова ходила на высоких каблуках, в строгом деловом пиджаке и мини-юбке по самое некуда. Обильный макияж так зашифровал тридцатилетнюю женщину, что родная мать не узнала бы.

Кладовщица по сто раз на день стала забегать к нам «за солью», и для помощника Херонова Гриши Бычкова, привыкшего дремать у ризографа, закончилась размалиновая жизнь. Ипатова носилась по комнате вокруг нас, как цирковая лошадь, цокая каблуками.

Однажды, когда Херонов лёг на пол и начал мыть ацетоном печатный барабан, кладовщица подошла и стала прямо над ним, расставив ноги на ширине плеч.

— Игорь Иванович, я вам тут ещё работу принесла! — прокуренным голосом пробасила Ипатова, глядя в бланк заказа и загадочно улыбаясь.

Она чувствовала, куда устремлены горящие глаза притихшего печатника, переставшего елозить тряпкой. Когда Анжела ушла, Херонов сел на табуретку, протёр, кряхтя, очки ветошью и долго мотал головой, словно не веря происходящему.

В тот же день Херонов покрасил седые волосы и утром предстал перед нами жгучим плешивым брюнетом. Его густые щетинистые усы выпукло блестели и были похожи на сапожную щётку, намазанную жирным армейским гуталином. Тусклые серые глаза печатника, невольно заглянувшие под юбку Ипатовой, теперь горели синим пламенем.

Вдохновлённый Гадкий Утёнок возомнил себя белым лебедем. После выходных он принёс магнитофон с единственной кассетой и стал гонять её с утра до вечера. Вместе с топотанием Ипатовой нашу уютную рабочую атмосферу нарушил тоскующий голос Олега Митяева, поселившийся у нас всерьёз и надолго: «А ты вернулась с моря — я вчера видел, словно прошлой жизни посмотрел видик».

Через пару дней, совершив все полагающиеся чайные церемонии, Ипатова обхватила руками голову Херонова, наклонила её и жадно впиалась в его блёклые губы. Печатник, побледнев, как

донор во время кровосдачи, пошатнулся и чуть не рухнул в обморок.

На следующий день кладовщица зашла к нам с полной тарелкой клубники, обильно политой сливками. «У бывшей русской подданной в квартире кавардак, а значит, что-то и в душе наверняка не так!» — встретил её вкрадчивый голос Митяева, воспроизведённый искусственным интеллектом.

Призвав на помощь всё своё обаяние, Ипатова кокетливо проворковала:

— Игорь Иванович! Ты у нас самый ценный работник, и я буду кормить тебя с ложечки.

— Не надо, барышня-крестьянка. Я сам! — самоудовольно улыбнулся Херонов и принялся не спеша есть.

Не сводя с печатника затуманенных глаз, кладовщица неожиданно схватила его за причинное место. Херонов взвыл так, что нас с Гришей пробрало до самого естества.

Гадкий Утёнок посмотрел на Ипатову глазами, полными ненависти и боли, а потом заломил ей руку и припечатал лицом к столу.

— Игорь,пусти! Мне больно! — заорала она и густо покраснела от прилива крови к голове.

— Будешь ещё так делать? — допрашивал Херонов, заломив руку кладовщице повыше.

— Ой! — у Ипатовой из глаз брызнули слёзы, и грязными ручейками по щекам потекла тушь.

Херонов сжалился, и зарёванная кладовщица мигом выскочила из нашей комнаты.

— Что, Игорёк, больно? — с притворным участием спросил сидевший рядом на табуретке у окна слесарь Кривицкий в зелёном комбинезоне.

— Виталь,уйди! — с ненавистью прорычал Херонов. — А ты её тоже за мохнатку возьми. Сейчас всё прогрессивное человечество так здороваётся, — ехидно осклабился слесарь с проеденной плешью.

В последующие дни повторялось хватание Херонова за причиндалы и прикладывание Ипатовой лицом к столу с заломленной рукой. Гадкий Утёнок стал опасаться мужских рукопожатий. Даже когда Херонов протягивал руку мегапозитивный директор рекламного агентства «Две обезьяны» Женя Храмовской, мухи не обидевший, печатник поворачивался к нему боком.

Но всё же страшные ипатовские ласки пробудили в Херонове стремление социализироваться. Мы узнали, что он женат и у него двое сыновей. Ещё Гадкий Утёнок оказался «политическим». Как сказали бы нынешние правоверные патриоты на бюджете, Херонов был «либерастом» до мозга костей. На выборах он голосовал за «Яблоко» и млеял от восторга, когда по радио сообщали, что его любимая партия преодолела пятипроцентный барьер.

У Херонова была своеобразная дикция. Его речь по звучанию была похожа на выстрелы из пистолета с глушителем: дыщь, дыщь, дыщь...

— Вот эти придурки в Кремле кричат: «Давайте будем опять строить империю!» А показать бы им нашего Гришу тогда бы они поняли, чем заканчиваются имперские амбиции! — витийствовал Гадкий Утёнок, победно поблёскивая глазами сквозь стёкла очков, как Берия.

Конечно, Гриша Бычков, родившийся в Семипалатинске, был похож на инвалида детства, но никак не на черномыльского мутанта, от лицемерия которого «придурки из Кремля», по мысли Херонова, махнули бы рукой на строительство Третьей Империи и улетели бы в космос.

Более того, Гриша сам был не против поучаствовать в амбициозных проектах нового руководства страны. Однажды в обеденный перерыв размлевшего после «Роллтона» и нектара Бычкова подкараулила назойливая верстальщица Света Косарецкая:

— Гриша,какая у тебя заветная мечта?

— Я хочу стать таким, как «единороссы», чтобы всех побеждать, — сузив глаза до щёлочек, Гриша растягивал слова так, будто он вот-вот заснёт или умрёт.

— Я бы не хотела, чтобы ты меня победил, Григорий! — испуганно и серьёзно посмотрела на Бычкова верстальщица, умудрявшаяся любым словом придавать сексуальный оттенок «по Фрейдю».

«Блицкриг» Ипатовой, с ежедневными хватаниями Херонова за причинное место, потерпел крах. Стойкий Гадкий Утёнок был непоколебим. Целовать — всегда пожалуйста, ну а что другое если — «нет, ребята-демократы, только чай»!

После того как Ипатова распечатала уста Херонова, к печатнику потянулись «здоровкаться» и другие женщины-коллеги. Все они были значительно младше его, и Гадкий Утёнок дразнил их «зелёнками».

Сначала к печатнику присоседилась приёмщица Демьянова. По утрам она первая подходила к Херонову и осторожно, зажмурившись, тянулась губами к колючим усам Гадкого Утёнка, словно собиралась поцеловать кактус. И губы её вздрагивали от покалывания невидимыми иглами.

«Ты не умеешь целоваться всерьёз, ты просыпалась со слезами в ночи!» — насмеялся с магнитофонной ленты голос Олега Митяева.

Потом, пританцовывая, в комнату входила Ипатова, наклоняла вниз голову Херонова и целовала его уже «по-взрослому». Демьянова хохотала: — Я уже путаюсь, кто из вас Ипатов, а кто — Херонова!

Кладовщица не ревновала к приёмщице, которой гораздо больше нравилось во время утренних приветствий тереться щекой о щёку Ипатовой. От трения у Демьяновой в ледяных серых глазах огненной метелью взвивались искры. К тому же у неё была своя «зона ответственности» — терапевт

Бакаев, переквалифицировавшийся в копировщика печатных форм.

Приёмщице нравилось дразнить врача. Она заходила в его кабинет, садилась в офисное кресло, вытягивала длинные ноги и холодно улыбалась, наблюдая, как семейный и богобоязненный иудей робко смотрит на неё блестящими глазами и каждое произнесённое им слово дерёт ему пересохшее от жара в организме горло и заставляет болезненно морщиться.

Наблюдая за этими броуновскими взаимоотношениями полов, верстальщица тоже решила пристроиться к «паровозу». Терпеливо выждав, пока Ипатова с Демьяновой вволю причастятся от усов Хероновых, Косарецкая подошла к «пас-тырю». Гадкий Утёнок смерил её уничтожающим взглядом и процедил:

— Иди работай, Света.

Потерпев фиаско с Хероновым, Света решила попытаться счастья с Бакаевым, чем привела того в неописуемый ужас. От Косарецкой ушёл муж, и она слетела с катушек. Когда раскрасневшаяся верстальщица врывалась к Бакаеву в кабинет, Демьянова деликатно удалялась. Терапевт отбивался как мог, но Косарецкая была уверена, что если поднажать, то «крепость» не выдержит осады.

Бакаев действительно не выдержал и во время своего ночного дежурства на станции скорой помощи позвонил и излил душу директору, до которого только ночью и можно было достучаться, когда тот благочинно переписывался по Интернету с канадским пожарным.

На следующий день хмурый директор пришёл перед самым нашим уходом. Он вызвал к себе Косарецкую и спокойно сказал:

— Вот что, Света. Если доктор ещё раз на тебя пожалуется, ты больше не будешь у нас работать. Выбери сама.

Верстальщица выбрала работу, но... Раненый медведь ничто в сравнении с трижды отвергнутой женщиной. Ипатова с Демьяновой продолжали волочиться за Хероновым, а Косарецкая, глядя на них выцветшими от слёз глазами, ожесточилась вконец, и у неё созрел адский план: «Так не доставайся же ты никому, Гадкий Утёнок!»

В тот день Херонов закосячил тираж. Офсетная печать—это баланс краски и воды. Печатник прошёлкал момент, когда у него закончилось увлажнение, и печатную форму закатало краской. Директор высчитывал за брак, и Гадкий Утёнок погрузился.

— Спокуха на лице!—самоуверенно улыбнулась кладовщица.— Пойдём со мной, Игорь Иванович, на склад. Посмотрим, сколько там у нас неучтённой бумаги, посчитаем и сочтёмся.

— Идите сами на склад. Это по вашей епархии, Анжела Андреевна,—сухо и неприязненно ответил Гадкий Утёнок.

— Ну, смотри, Херонов!—окрысилась Ипатова.— Дело-то житейское.

А вечером Косарецкая позвонила жене печатника, о которой мы знали, что она работает учительницей, и сказала, что её муж изменяет ей с кладовщицей. Утром учительница примчалась на работу к Гадкому Утёнку и первым делом разыскала Ипатова. В маленьком кабинете, который Анжела делила с бухгалтером, кладовщица сидела в привычной дерзкой мини-юбке, закинув широко раздвинутые ноги на стол. Она отдыхала.

Зайдя в кабинет, Херонова увидела то же самое, что и её муж. Только она не стала перекрашивать волосы и включать Олега Митяева, а обрушила на разлучницу потоки непечатной ругани. Сидевшие за гипсокартонной перегородкой переплётчицы онемели от таких шекспировских страстей.

Потом жена поволокла Херонова в нашу комнату и усадила за стол Гриши Бычкова, сбежавшего при появлении рассерженной маленькой блондинки с крючковатым носом и большими жёлтыми, как у совы, глазами. Она заставила мужа написать заявление по собственному желанию. Олег Митяев жалобным голосом затянул свою лебединую песню: «Краток речной маршрут, кончилась „Хванчкара“. Поздно, и дома ждут—пора!»

Директору пришлось выйти из астрала и взять штурвал в свои руки. Мы уже отвыкли видеть этого рослого и упитанного нестриженого мужика с бородой и красными глазами.

— Я думал, вы взрослые люди, а на вас ни в чём положиться нельзя!—сокрушался Липатов.

Директор уговорил учительницу повременить пару месяцев с увольнением её мужа, пока он не найдёт ему замену. Митяев сорвал голос и умолк, Херонов постарел и ссутулился, Ипатова забыла к нам дорогу, а Бакаев подчёркнуто держал с коллегами-женщинами «социальную дистанцию» от полутора до трёх метров, чтобы даже подозрение не коснулось его, если что.

Я сменил немало работ, но никогда, ни до, ни после «Графита», не видел такого разврата. Читатель может спросить: как же удалось автору сохранить свою неприкосновенность в этом «содоме и гоморре»? Ветхозаветный Лот был спасён волей Божьей, но, как говорят русские люди, «на Бога надейся, а сам не плошай».

Когда вся эта вакханалия только начиналась, я стал неожиданно ронять на пол гаечные ключи, задвигать и выдвигать ящик со своими инструментами так резко, что все вокруг вздрагивали, да и сам я весь, словно наэлектризованный, производил впечатление трансформаторной будки, к которой прикасаться опасно для жизни. Я не мог позволить себе оказаться в одной упряжке со своими распустившимися коллегами, потому что так, как они, могут жить только люди, неспособные любить.